

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема армяно-русских отношений всегда находилась в центре внимания армянской советской историографии. Армянскими советскими историками проделана значительная работа по изучению армяно-русских исторических связей. Опубликованы капитальные исследования и сборники архивных материалов, освещающих экономические, политические и культурные отношения армянского народа с Россией*. Монографии, научные статьи и публикации архивных материалов широко раскрывают историческую картину межнациональных отношений далекого прошлого, показывают огромное прогрессивное значение многовековых связей армянского народа с великим северным соседом и присоединения Восточной Армении к России.

Однако не все периоды и проблемы истории армяно-русских отношений достаточно полно исследованы. Если сравнительно хорошо изучены события первого тридцатилетия, второй половины XVIII в. и первой трети XIX в.—периодов подъема освободительного движения народов Закавказья, то этого нельзя сказать об истории второго тридцатилетия XVIII в.

В 30—50-е годы XVIII в. армяно-русские отношения не были насыщены такими бурными политическими событиями, какие имели место в предшествующее тридцатилетие в период всенародного вооруженного выступления армян против персидского владычества и турецкой агрессии. Очевидно, этим объясняется то обстоятельство, что указанный период остался вне поля зрения исследователей.

Выявленные в результате многолетней работы в архивах материалы убеждают в том, что этот отрезок времени незаслуженно обойден исследователями.

Изучение архивных документов 30—50-х годов XVIII в. показывает, что и это тридцатилетие XVIII в. насыщено важными политическими событиями, имевшими определенное значение для судеб армянского освободительного движения. В этот период происходило дальнейшее укрепление и углубление русской ориентации в освободительном движении армянского народа. Показательны также интенсивный рост и развитие

* «Армяно-русские отношения в XVII в.». Составители В. А. Парсамян, В. К. Восканян, С. А. Тер-Авакимова, под редакцией В. А. Парсамяна, Ереван, 1953; «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в.». Составители П. П. Арутюнян, С. А. Тер-Авакимова, В. А. Аюбян, под ред. А. Г. Иоаннисяна, т. II, ч. I, Ереван, 1964, т. II, ч. II, Ереван, 1967; «Присоединение Восточной Армении к России». Составители Ц. П. Агаян, С. А. Тер-Авакимова, Д. А. Мурадян, В. А. Дилоян, под ред. Ц. П. Агаяна, т. I, Ереван, 1972.

армянских поселений в России, возрастание роли армянского торгового капитала и ремесленного производства в экономике страны. Архивные материалы свидетельствуют о том, что даже в условиях почти непрекращавшихся войн и феодальных усобиц торговля между Россией и Востоком не прекращалась. В середине XVIII в. намечается процесс зарождения мануфактуры, в развитии которой известную роль играли армянские купцы-промышленники. Примечательно, что первая шелковая мануфактура в Астрахани была основана в 1740—1744 гг. группой армянских купцов—Лукой Ширвановым, Гаспаром Богдановым и братьями Макаровыми. Они же имели свои собственные торговые суда на Каспийском море и вели оживленную торговлю с Ираном.

Исследование архивных материалов привело к убеждению, что назрела необходимость восполнить пробел, существующий в армянской советской историографии, и создать сборник документов, отображающий историю армяно-русских отношений 30—50-х годов XVIII в. Можно полагать, что выход в свет сборника архивных материалов поможет составить конкретное историческое представление по этому периоду и будет способствовать дальнейшему изучению и выявлению новых материалов.

Составители сборника выявили ценные материалы, впервые вводимые в научный оборот из фондов «Сношения России с Арменией», «Сношения России с Грузией», «Сношения России с Турцией», «Сношения России с Персией» Архива внешней политики России (в дальнейшем АВПр, фф. СРА, СРГ, СРТ, СРП), а также из фондов Центрального Государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) и ЦГИА в Ленинграде. В сборник были привлечены некоторые ранее опубликованные материалы, представляющие большую ценность для изучения армяно-русских отношений 30—50-х годов XVIII в. (из сборников «Русское историческое общество»; «Сношения Петра Великого с армянским народом», составленного Г. Эзовым, СПб., 1898; приложения к книге А. Р. Иоаннисяна «Иосиф Эмин» (Ереван, 1946).

Настоящий сборник охватывает в значительной степени новые материалы о важных событиях истории России, Кавказа и Ближнего Востока в целом и по истории противоречивых и сложных взаимоотношений и часто менявшихся соотношений сил в Закавказье между Россией, Ираном, Турцией в период 30—50-х годов XVIII в. в частности.

Значение материалов публикуемого сборника обусловливается не только новизной и широким охватом сведений о внутреннем и международном положении Закавказья и Ближнего Востока, но и ретроспективным характером изложения фактов в ряде документов, рассказывающих о событиях и деятельности представителей освободительного движения в предшествующий период—в 20-е годы и даже ранее, что расширяет наши представления об армяно-русских отношениях и политике России в отношении Закавказья первого тридцатилетия XVIII в.

Материалы сборника еще раз подтверждают обоснованность и последовательность русской ориентации армянского и других народов Закавказья, которые связывали большие надежды на освобождение со вступлением русских в Прикаспийские районы. Это было стратегической программой освободительного движения народов Закавказья как в конце XVII и XVIII вв., так и в последующее время. Как указывает Ф. Энгельс, «к югу от Кавказского хребта под турецким владычеством находились небольшие христианские государства и исповедующие

христианство армяне, по отношению к которым царизм мог провозгласить себя «освободителем»¹.

Хотя Персидский поход русских войск и восстание народов не привели к желаемому освобождению Закавказья от иранского и турецкого ига, однако стала ясной правильность и реальность такого пути освобождения армянского, грузинского и азербайджанского народов, упорные усилия которых продолжались даже в неблагоприятных условиях 30—50-х годов. Последовательное стремление к объединению сил грузинского народа при Теймуразе и Ираклии II и укреплении Картл-Кахетинского царства, ориентировавшегося на Россию, знаменовали собой новый и важный период политических отношений России с народами Закавказья.

Освободительные устремления народов Закавказья, их надежды на помощь России, непрекращавшаяся борьба как против персидского владычества, так и вторгшихся в восточные районы Закавказья турецких полчищ, находят яркое выражение в документах второй трети XVIII в. Несмотря на временное поражение и невзгоды, народы Закавказья последовательно придерживались ориентации на Россию. Деятели освободительного движения и руководители вооруженных выступлений 20-х годов оставались убежденными сторонниками политики безоговорочного укрепления военно-политического союза Грузии, Армении и Азербайджана с Россией.

Армяно-русские отношения во второй трети XVIII в. являлись логическим и закономерным продолжением ранее сложившихся отношений, так как военно-политический союз народов Закавказья с Россией не был временным и конъюнктурным, а являлся объективным отражением коренных интересов обеих сторон.

В. И. Ленин подчеркивал, что «при всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»². Каждый класс (или сословие) по-своему был заинтересован в освободительной борьбе и восстановлении армянской государственности под протекторатом России.

Трудящиеся массы армянского народа, и в первую очередь крестьянство, являвшееся основной силой освободительной борьбы, все яснее стали понимать, что только при помощи России можно добиться освобождения от гнета персидских и турецких захватчиков, в лице которых они видели своих главных врагов—эксплуататоров—иноземных и иноверных. Как отмечает В. И. Ленин, «помещики Македонии (так называемые спаги)—турки и магометане, крестьяне же—славяне и христиане. Классовое противоречие обостряется поэтому религиозным и национальным... Буржуазные газеты, начиная «Новым временем» и кончая «Речью», толкуют о национальном освобождении на Балканах, оставляя в тени экономическое освобождение. А на деле именно это последнее есть главное»³. Аналогичное положение было в Армении и Закавказье, где вековой гнет довлел прежде всего и больше всего над крестьянскими массами, боровшимися против социального и национального гнета, ибо «всякий национальный гнет вызывает отпор в широких массах народа, а тенденции всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание»⁴. При этом, указывает Ленин,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. II, т. 22, стр. 17.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 134.

³ В. И. Ленин, ПСС, т. 22, стр. 186—187.

⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 30, стр. 113.

«всякая «восстающая нация» «защищает» себя от нации угнетающей, защищает свой язык, свой край, свое отечество»⁵.

Стремление к борьбе против персидского и турецкого владычества имело и у торгово-ремесленного населения Закавказья, Ирана и Турции, а также у армянских поселенцев России, Индии и других стран, где находили приют массы беженцев в период турецко-персидских войн 20—30-х годов XVIII в. Торгово-промышленные элементы остро ощущали всю тяжесть восточного деспотизма, губительные последствия турецко-персидских войн, межфеодалных столкновений, произвола ханов и пашей. Армянская торговая и нарождавшаяся промышленная буржуазия хотела иметь свою собственную базу и опорный пункт для развития свободной деятельности в Закавказье между Западом и Востоком. Поэтому она выступала с программой национального освобождения, национального сплочения, разжигая чувство ненависти к иноземным захватчикам. Как отмечает В. И. Ленин, «реальные интересы торговой и промышленной буржуазии составляют главное основание этой ненависти, и что толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит только замазывать сущность дела»⁶.

Торгово-ремесленное население городов Ирана, Турции и Закавказья в значительной степени было христианским—славянским, греческим и армянским. Оно стремилось к свободе деятельности, без которой не могли развиваться торгово-денежные отношения. Энгельс подчеркивает, что «османская колонизация» была способна лишь уничтожить всякую попытку к прогрессу⁷, ибо Османская Порта только грабила городское население, тормозила развитие экономики, даже не пыталась организовать и поощрять торговлю, ремесло, промышленность. Кемаль Ататюрк писал, что торговля и ремесло для турка и вообще мусульманина в Османской империи считались если не унижительными, то во всяком случае нежелательными занятиями⁸.

Документы, приведенные в настоящем сборнике, показывают пагубные последствия ирано-турецкой войны и господства Ирана и Турции в Закавказье, уничтожение производительных сил, упадок городов, разорение деревень.

Не находя внутренних средств для утоления жажды наживы, в целях расширения владений и в поисках новых источников доходов, Турция и шахский двор вели все новые войны, тяжесть которых непосильным бременем ложилась на крестьянство и городское население.

Как вся история Закавказья, так и материалы данного сборника ярко иллюстрируют глубину и верность высказываний классиков марксизма-ленинизма о прогрессивной роли России на Востоке и о несовместимости господства Турции и Ирана с развитием экономики страны, в особенности покоренных народов. «В самом деле, турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности—безопасность личности

⁵ Там же.

⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. 1, стр. 154—155.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, стр. 1—10.

⁸ См. К. Ататюрк, Избранные произведения и речи, М., 1966, стр. 269.

купца и его собственности»⁹. «Наоборот,—писал Ф. Энгельс К. Марксу,—Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»¹⁰.

Публикуемые документы свидетельствуют о том, что в России для армянского купечества имелись сравнительно благоприятные и нормальные условия и широкий простор для экономической деятельности. Оно участвовало также в транзитной торговле между Западом и Востоком через Россию. Армянские купцы Закавказья и Персии еще с XVII в. пользовались рядом прав, привилегий, а также покровительством русского государства. Понятно, что торгово-ремесленное население свои надежды связывало с Россией и никакие превратности не могли сбить его с верного пути.

Армянское духовное сословие, в частности католикосы Эчмиадзина и Гаидзасара, еще в XVII в. установившие связи с русским двором, в тяжелые времена турецкой агрессии и восстановления персидского владычества в Закавказье, также придерживались русской ориентации, хотя и вынуждены были устанавливать мирные отношения с турецкой Портой и шахским двором, чтобы не дать повода для новых бесчинств и сохранить свои права и владения. Хотя религия и церковь и являются в руках господствующих классов орудием порабощения трудящихся масс, однако в определенных конкретных условиях они могут стать и становились рычагами сплочения сил для борьбы против тяжелого национального гнета. Это тем более понятно и естественно, если учесть, что иноземное господство «узаконивается» и «освящается» противоборствующей религией и церковью. Если Османская Порта захватническую войну рассматривала как «функцию» народной жизни, грабеж и убийство—как подвиг, принадлежность магометанству—как благородство и превосходство над неверными—«гяурами», то понятно, что христианские народы в борьбе должны были использовать «свою» веру против «неверных»—«бусурман», против гнета, еще более жестокого и чуждого, неприемлемого.

Как заметил Энгельс, «для того, чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»¹¹. В борьбе со своими поработителями армянская церковь не имела реальных сил и поэтому обращала свои взоры к России, к дружественной христианской державе, где к «армянской вере» и армянам проявлялась терпимость, где армянские духовные лица находили поддержку и покровительство.

В этой связи вызывает большой интерес обращение эчмиадзинского католикоса Абраама Мшеци (1730—1734) к императрице Анне Ивановне. Абраам Мшеци прекрасно понимал реальную обстановку и рассчитывал на помощь России. Именно с этой целью он в 1733 г. послал своего архиерея Магакня к русскому двору. Описывая бедственное положение Армении в эти годы, Абраам Мшеци заканчивает свое обращения следующими словами: «...Всенижайше прошу в. и. в. дабы милостию в.и.в. оставлен не был, ибо мы, в.и.в., всенижайше за неимуществом нашим весьма разорились и обдолжали и обретаемся всегда в печалях, и дабы помянутой монастырь в.и.в. высокою милостию

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 33.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 27, стр. 241.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 361.

оставлен не был, ибо ныне над собою имеет тягости, яко великую гору»¹². Не менее красноречиво обращение гандзасарского католика Нерсеса (1733 г.) к генералу В. Я. Левашеву, в котором он пишет: «...Несколько лет мы и родители и прародители наши во изгнании и безнадежны были, а ныне пребываем на Вас в надежде, ежели бог допустит, видеть Вас желаем»¹³.

Как крестьянство, торгово-ремесленное население, так и духовенство, обломки феодального класса—армянские мелики и сельские старшины придерживались русской ориентации. Состоятельная верхушка не сомневалась, что с помощью и под покровительством могучего русского государства она сумеет не только освободиться от гнетущей зависимости иранских ханов и турецких пашей, но и упрочить свое господствующее положение и даже восстановить армянское государство под протекторатом России.

Русское правительство в свою очередь продолжало политику обнадеживания, материальной и дипломатической поддержки армян. Оно разрешило им поселяться в Астрахани, Кизляре, в крепости Св. Креста, Москве, Петербурге, наделило их правами и привилегиями, поощряло их торгово-промышленную деятельность, способствуя таким образом дальнейшему сближению с Россией.

Итак, после Петра Великого в период дворцовых переворотов, правления «верховников» и бироновщины, ослабления внимания к политике в Закавказье, усиления власти Надира, захвата им шахского трона, восстановления и расширения персидского господства народы Закавказья остались верными союзниками России, продолжали с ней экономическое и политическое сотрудничество, не теряя веры в освобождение при ее решающей помощи.

Русская ориентация народов Закавказья в освободительной борьбе выдержала суровое испытание, сохранила свою жизненную силу, а еще более утвердилась в мрачные времена деспотии шаха Надира и после его смерти, в условиях межфеодалных усобиц и войн. Отмечая закономерность, законность и прогрессивное значение народно-освободительной борьбы, К. Маркс подчеркивает то важное обстоятельство, что пока народ скован чужеземным захватчиком, он должен бороться против иноземного ига, и пока его внутренняя жизнь парализована, он не в состоянии бороться за социальное освобождение. Объективно освободительная борьба народов Закавказья одновременно была борьбой и против невыносимого социального гнета, так как военно-феодалное господство ханов и пашей Ирана и Турции было чрезвычайно тяжелым для покоренных народов.

Материалы сборника показывают парализованность внутренней жизни народов Закавказья, пагубные последствия войн между Турцией и Ираном, бедственное положение народов всего Ближнего Востока. К. Маркс обращает внимание на завоевательную политику Надира, отмечая, что «он сначала был разбойником; вместе с несколькими товарищами присоединился к персидскому шаху Тахмаспу, когда тот бежал от гильзаев (т. е. афганцев.—В. В.). Надир помог Тахмаспу вновь добиться престола, а потом отстранил его и сам стал шахом. Он завоевал Кандагар и Кабул, затем вторгся в Индию... Надир, нагруженный

¹² АВПР. ф. «Сношения России с Персией», 1733, д. 3, л. 74 об.

¹³ Там же, лл. 38—38 об.

сокровищами, [отбыл] восвояси; оставил Могольскую империю на краю полной гибели»¹⁴.

Не довольствуясь восстановлением и расширением границ персидского государства, новыми завоеваниями и ограблениями, Надир продолжал захватническую политику в Индии и на Кавказе с целью удовлетворения ненасытных «потребностей» феодалов и шахского двора. Жестокий режим восточной тирании, тяжелые налоги и грабежи вызывали общенародное недовольство, заговоры и открытые выступления против Надира. Борьба не прекращалась, а с еще большей силой продолжалась после смерти Надира в 1747 г., когда усилились феодальные усобицы, длившиеся до 60-х годов XVIII в.

Таким образом, положение в Иране почти за весь период господства последних Сефевидов, Надира и его преемников было настолько тяжелым, что глубокое недовольство и ненависть к правящим кругам охватили не только покоренные народы, но и самих персов, особенно трудящиеся массы. Это общенародное недовольство вызвало новый подъем освободительного движения армянского народа, усиливая его русскую ориентацию, отражающую коренные интересы всех слоев армянского народа. Как указывает В. И. Ленин, «общенародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны. Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения»¹⁵.

Об общенародном характере русской ориентации свидетельствуют многочисленные факты освободительной борьбы поработенных Ираном и Турцией народов как в XVII—XVIII вв., так и в XIX в. Так было и на Балканах, и в Закавказье. Классики марксизма-ленинизма неоднократно отмечали, что эти народы, будучи не в состоянии без внешней помощи избавиться от тяжелого ига Османской Порты, свои надежды связывали с Россией. «Серб, болгарин, боснийский «райя», крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским... Что бы ни произошло, они взирают на Петербург в ожидании мессии, который освободит их от всех зол...»¹⁶.

Об общенародном характере и значении русской ориентации свидетельствуют многократные и настоятельные обращения армян к русскому двору, военному командованию, а также переписка деятелей освободительного движения Закавказья. И это не только в 20-е, но и в 30—50-е годы XVIII в., когда русские войска были выведены за пределы Прикаспийской области.

В начале 30-х годов XVIII в., когда покоренные Турцией народы вели успешную борьбу против турецких агрессоров, тогда Россия не была в состоянии оказать непосредственную военно-политическую помощь освободительному движению, деятели которого вынуждены были временно вместе с персидскими силами бороться против главного врага—турецких полчищ, которые несли еще более ужасные бедствия и страдания. Один из деятелей освободительного движения царь Картли Теймураз II в письме к Анне Ивановне от 25 марта 1736 г. так объясняет подобное отношение армян и грузин к Надиру: «Поскольку

¹⁴ К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, ОГИЗ, 1947, стр. 46—47.

¹⁵ В. И. Ленин, ПСС, т. 22, стр. 283.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, стр. 9

мы узнали, что Тахмасп-Кули-хан выражал верность Вам и Вы соизволили оказать ему милость, то чем мы смогли, тем же ему верность и службу оказали»¹⁷.

Публикуемые в настоящем сборнике документы показывают, что ослабление внимания России к Закавказью в период правления «временщиков», неудачи, поражения и другие невзгоды не изменили политической ориентации освободительного движения закавказских народов. Армянский народ не мог мириться с господством жестокого тирана Надира, недовольство политикой которого выразилось еще в первые годы его прихода к власти. В то же время он не мог без помощи России бороться и против турецкой агрессии, и персидского ига.

В сборник включены интересные документы, свидетельствующие о торгово-экономической деятельности армян в России, об увеличении старых и возникновении новых армянских поселений, об их общественной и политической жизни.

В публикуемых документах нашла отражение также дальнейшая судьба деятелей армянского освободительного движения 20-х годов XVIII в. Материалы красноречиво свидетельствуют о боевом содружестве армян, переселившихся в Россию, с русским народом.

Составители сборника, конечно, не претендуют на полный охват документов по этому периоду. Они надеются, что данный сборник послужит основой для расширения представлений об армяно-русских отношениях 30—50-х годов XVIII в., для последующих поисков первоисточников и новых исследований.

Составители сборника воздержались от принципа тематического расположения материалов, положив в основу строго хронологический принцип, исходя из того, что часто в одном и том же документе затрагиваются политические, и экономические, и культурные вопросы. Тематический принцип мог скрыть от исследователя их богатое содержание.

К сборнику прилагаются указатели имен и географических названий, примечания, словарь малоупотребительных слов и терминов.

В подготовке сборника к изданию участвовала сотрудник Института истории АН Арм. ССР С. П. Гасарджян, представившая также ряд документов, включенных в сборник.

В. К. ВОСКАНЯН

¹⁷ М. Броссе, Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1630 по 1770 гг., СПб., 1861, стр. 211.